

УДК 94; 929

Хлевов Александр Алексеевич, д. филос. н., к. и. н., профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

e-mail: hlevov@mail.ru

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВ: НА ПРИМЕРЕ НОРВЕГИИ И ИСЛАНДИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу истории и современного состояния дел просопографии Северной Европы. В силу исторических причин Северные Страны обладают социальными параметрами как в чём-то кардинально отличными от российских, так и схожими с ними по ряду качественных показателей. Поэтому опыт и перспективы просопографических исследований на севере Скандинавии во многом актуален для России. В статье резюмируются общие проблемы и общие тренды отечественной и северных исторических научных школ в этой области.

Ключевые слова: просопография, просопографический метод, Норвегия, Исландия, биографии.

Alexander A. Khlevov, Ph.D., prof. Department General history and world culture», Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

e-mail: hlevov@mail.ru

PROSOPOGRAPHIC STUDIES OF MEDIEVAL SOCIETIES: ON THE EXAMPLE OF NORWAY AND ICELAND

Annotation. The article is devoted to the analysis of the history and current

situation in the prosopography of Northern Europe. Due to historical reasons, the Nordic countries have social parameters that are both fundamentally different from Russian ones, and similar to them in a number of quality indicators. Therefore, the experience and prospects of prosopographic studies in the north of Scandinavia are in many ways relevant for Russia. The article summarizes the general problems and general trends of Russian and northern historical scientific schools in this area.

Key words: prosopography, prosopographic method, Norway, Iceland, biographies.

Весьма распространённым в классической и новой исторической науке является так называемый просопографический метод, к сторонникам и адептам которого относят себя многие исследователи, деятельность которых так или иначе связана с биографическими изысканиями.

Прежде всего стоит отметить, что неоднозначность самого термина «просопография» достаточно очевидна. Присутствует очевидное противоречие его буквального толкования как «описания личности» и сущности термина в прикладном смысле, подразумевающей изучение своего рода «коллективных лиц», более или менее обширных совокупностей личностей, объединённых сорасположенностью во времени, в локальном пространстве, в социальном статусе, в формах своей деятельности, то есть схожестью тех или иных социальных, экономических и культурных показателей. Было бы заманчиво определить просопографию как метод групповых биографий, однако это как раз не группы в строгом смысле этого слова, а, скорее, прослойки, «прожилки» общества.

Важнейшим методологическим указанием, легитимизирующим просопографический метод в поле медиевистики, являются слова Герда Альтхоффа: «в средние века всё, от менталитета среднестатистического человека до деятельности того, что позже можно будет назвать государством, формировалось через личные связи» [2, с. 2]. Как представляется, зона бытования этого афоризма — отнюдь не только средневековые общества.

В действительности понятие «просопографический метод» зачастую объединяет практики, которые не воспринимаются самими деятелями как просопография. Поэтому мы часто говорим «просопографической прозой», не задумываясь об этом. Излишне говорить, что методика эта теснейшим образом связана с культурологическими и культурно-антропологическими методами и имеет ярко выраженный междисциплинарный характер.

Просопографические исследования Северной Европы основываются на ряде особенностей сформировавшихся там социумов и их культур. Принципиальная разница между обществами России и полярного фаса Северной Европы исторически детерминирована. Отличия обусловлены микроскопичностью земледельческого сектора в норвежско-исландском континууме и преобладанием именно этого экономического сектора в России. Принципиально и то, что имело место полное отсутствие феодализма там и гипертрофированные его формы у нас. В полном соответствии с диалектико-материалистическим подходом это определяет формирование взаимоисключающих форм надстройки и политических институтов.

Однако, как ни странно, проявляется и весьма ощутимое сходство. Основой общества и там, и там была крестьянская прослойка, не имеющая реального длительного опыта мелкобуржуазного бытия — у нас в силу общинности, у северных скандинавов — в силу невысокой степени товарности и преобладания натуральности хозяйства, обусловленных географически. Что обеспечило обоим обществам шаг из архаической дофеодалности непосредственно в модерн и постмодерн. Именно этим обусловлены черты сходства ментальностей современных народов, особенности восприятия своего прошлого и исторической памяти. Сходство это не стоит как преувеличивать, так и игнорировать. Именно поэтому опыт просопографического подхода северных коллег вызывает неподдельный интерес.

Современная северная просопография (как и западная в целом) находится в поиске обоснования своей необходимости. В работах, посвящённых мастерству историка в целом и отдельным аспектам исторического анализа

авторы различными способами определяют место и роль биографических исследований, использование в них количественных показателей и соответствующих таковым методик [4, с. 185-226; 6, с. 236; 7, с. 24; 8, с. 185]. В частности, признаётся исключительно важным для анализа деятельности человека прошлого его происхождение, состав семейного круга и обусловленные им связи [5, с. 210-211].

Основные сферы приложения усилий норвежской просопографии примерно таковы:

1. Создание компендиума личных имён (с 1880-х гг., Эрик Хенрик Линд). Собранный база, насчитывающая более 20 томов, до сих пор находится в активном использовании исследователей [10, с. 4-5]. Это направление формирует своего рода сектор ономастики и личных имён.

2. К тому же сектору может быть отнесено изучение женских имён иностранного происхождения, тесно связанное с исследованиями проблем иммиграции в Норвегию, в частности (Том Шмидт).

3. Серьёзно фундированы источниковой базой исследования персонального состава королевского совета (Ингвар Нильсен) — сектор государственного управления в Северных Странах традиционно хорошо и пристально изучается.

4. Имеется целый ряд исследований по персоналиям территориальной управленческой элиты конкретных регионов (Пер Торесен, Кнут Хелле) — сектор регионального управления также представлен.

5. Одними из наиболее давних являются исследования биографий аристократии, развернувшиеся ещё в середине XIX в. (Питер Андреас Мунк и др.).

6. Исключительный интерес вызывает изучение «образованных классов» (в частности, студенчества и легистов), а также комплексные исследования норвежского студенчества в целом. Например, с 1840-х по настоящее время осуществлены исследования землячеств норвежских студентов в 8 ведущих университетах Европы — Сорбонне, Болонье, Дейвентере, Лейдене, Лувене и

др. [3].

7. Особенно надёжно подтверждены документацией исследования клира и, в частности, епископата. Ключевым является вопрос, из каких социальных слоёв рекрутировались представители этого сословия в период господства католицизма [10, с. 11-13].

8. Важным предметом внимания остаются горожане — бюргеры и ремесленники (Фредрик Валлем, Туре Вигеруст и др.) [11], члены городских советов (Грета Сольберг и пр.). Особая роль городского сословия в средневековой Норвегии обусловлена ганзейским присутствием.

9. Интерес исследователей вызывают крестьяне и сельские общины (Рагнхильд Ормой, Энн Брит Виховде, Йо Руне Угулен) [9, с. 235–266.].

10. Разумеется, привлекают внимание учёных и политические группы и фракции во внутренней борьбе, особенно в исключительно насыщенных гражданскими конфликтами XII-XIII вв.) (Бенте Братетланд).

Из числа остроактуальных проблем, которые реально решают современные норвежские историки, особняком выступает спор о «гегемоне», то есть о том, какой именно класс или сословие являлись основными землевладельцами и, следовательно, подлинными локомотивами социального прогресса в средневековый период и в раннее новое время — крестьянская масса или всё же аристократия? По мнению Й. Р. Угулена, норвежская модель достаточна близка к английской, с учётом меньшего количества ресурсов и сравнительной «нищеты»: роль непривилегированных классов в социальной жизни была весьма велика [10, с. 17].

Среди наиболее актуальных задач норвежские коллеги видят следующие:

1) исследование важности личных связей для деятельности представителей власти.

2) как выглядела крестьянская масса, сохраняла ли она свои традиционные социальные установки.

3) актуальной признаётся генерация единой базы средневекового чиновничества Норвегии.

Что касается проблем — основными видятся (что показательно) недостаток внимания к финансированию со стороны государства просопологических исследований и низкая квалификация историков, не готовых к обработке баз данных в силу нехватки компьютерных навыков [Там же, с. 19-20]. Стоит ли говорить, что эти факторы «работают» в отечественной науке ничуть не хуже, чем в норвежской...

Что касается Исландии, то здесь имеет место ключевой и абсолютно доминирующий фактор, во многом определяющий актуальные векторы просопологических исследований. Особенность исландской истории — раннее формирование уникальной средневековой прямой демократии (IX-XIII вв.), не находящей аналогов в других регионах и эпохах, а затем утрата суверенитета и почти семисотлетнее нахождение в орбите Датского королевства на правах далёкого захолустья. Практически полное отсутствие иммиграции в страну и, напротив, регулярная эмиграция населения. В силу этого позднесредневековые просопографические исследования, по сути, полностью находятся в русле датских трендов. Однако для раннего средневековья существуют уникальные возможности в виде богатейшей традиции исландских саг и наличия уникального письменного источника, невозможного в других обществах. «*Landnamabok*» («Книга о занятии земли» в неточном, но общепринятом русском переводе, вернее — «...о назывании земли») предоставляет возможность исследования первопоселенцев — исключительно специфической социальной группы, большинство членов которой известно по именам и является прямыми предками современных жителей острова. Это наиболее интересный слой, имеющий непосредственную связь с современным населением Исландии. Дополнение этого массива сведениями родовых саг (саг об исландцах, *Íslendingasögur*) создаёт одну из самых плотных просопографических сеток, которые только можно представить себе в доиндустриальную и доцифровую эпоху. Пример исследований в этом поле даёт одна из работ с участием автора данной статьи [1, с. 1302-1307].

Подводя итог, уместно заметить, что северная просопография заставляет

задуматься о будущем просопографии отечественной. К сожалению, объективное состояние российского письменного наследия не располагает к таким массовым групповым исследованиям, которыми могут быть сопровождаемы первопоселенцы Исландии, ганзейское купечество Норвегии или северное студенчество. Однако крайне актуальным представляется введение просопографического подхода, например, в исследования отдельных групп и категорий крестьянства. Учитывая крестьянское прошлое России и тот факт, что абсолютное большинство ныне живущих россиян являются потомками крестьян Российской Империи, подобный подход, пересекаясь с генеалогическими исследованиями, мог бы серьезно актуализировать историческую память и связь с родственными корнями значительной части пока что безразличного к этому населения.

Список источников и литературы:

1. Хлевов А. А., Губанов И. Б. Обряд блотвейцла у древних скандинавов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2022. – Т. 67. – № 4. – С. 1296-1312.
2. Althoff G. Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
3. Bagge S. Nordic Students at Foreign Universities until 1660 // Scandinavian Journal of History. — 1984. — № 9. — P. 1-29.
4. Beech G. T. «Prosopography» in Medieval Studies: An Introduction. — Syracuse, New York: Syracuse University Press, 1992.
5. Dahlgren S., Florén A. Fråga det förflutna. En introduktion till modern historieforskning. — Lund: Studentlitteratur, 1996. — S. 210-211.
6. Kjeldstadli K. Fortidaer ikke hva den en gang var. En innføring i historiefaget. — Oslo: Universitetsforlaget, 1999. — S. 236.
7. Olden-Jørgensen S. Til kilderne! Introduktion til historisk kildekritik. København: Gads Forlag, 2001. — S. 24.
8. Reuter T. The Medieval Nobility in Twentieth-Century Historiography.

Companion to Historiography. — London, New York: Routledge, 1997. — P. 185.

9. Ugulen J. R. Bidrag til slekts- og personhistoriske utgreiingar i Sogn. I. Kring Amla-godset i Sogndal // Norsk slektshistorisk tidsskrift. — 1998. — № 36. — S. 235–266.

10. Ugulen J. R. Medieval Prosopography in Norway: Where does it stand, and where is it going? // Prosopography: Approaches and Applications, Oxford University, 15-18. July 2005. — Oxford, 2005. — P. 1-21.

11. Vigerust T. H. Eldre og nyere prosopografi til norsk middelalder (inntil 1537) // Norsk slektshistorisk tidsskrift. — 1997. — № 36. — S. 87-93.